

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-332-348

EDN: VWFWBQ

Научная статья / Research article

Мемориальные конфликты вокруг военного мифа основания российского государства: анализ отражения в цифровой среде

А.Ю. Бубнов ^{1, 2}, А.Ю. Берлиц^{1, 2}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

²Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Российская
Федерация

 alexandr-bubnov@mail.ru

Аннотация. Важную роль в изучении процессов трансформации коллективной памяти играет изучение мифов основания как основополагающих событий национальной истории, которые кодируют коллективные представления о прошлом и связанные с ними идентичности. Мемориальные конфликты вокруг мифов основания являются результатом выдвижения альтернативных интерпретаций и стремления изменить символические границы национальной идентичности. В России конфликты вокруг мифа основания государства могут быть рассмотрены на примере трех ключевых военных событий — Куликовской битвы, Стояния на реке Угре и битвы при Молодах. Изучение мемориальных конфликтов в публичном пространстве демонстрирует столкновение традиционного для России мифа о противостоянии Орде и конкурирующего тюркоцентричного мифа об Орде как матрице российской государственности. Анализ массива комментариев к видеороликам, посвященным военным событиям российского мифа основания, позволяет выделить восемь основных дискурсивных стратегий «демифологизации», направленных на оспаривание традиционного мифа основания. При этом доминирующие стратегии «демифологизации» составляют единый «евразийско-ордынский» нарративный комплекс, соответствующий мемориальному конфликту мифов основания.

Ключевые слова: военные мифы основания, мемориальные конфликты, медиализм, Куликовская битва, Великое стояние на Угре, битва при Молодах, сетевой дискурс, стратегии демифологизации

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01495, rscf.ru/project/24-28-01495/.

© Бубнов А.Ю., Берлиц А.Ю., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бубнов А.Ю., Берлиц А.Ю. Мемориальные конфликты вокруг военного мифа основания российского государства: анализ отражения в цифровой среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 332–348. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-332-348> EDN: VWFWBQ

Memorial Conflicts Over Russia's Foundational Military Myth: A Digital Representation Analysis

Alexander Yu. Bubnov ^{1,2}, Artem Yu. Berlitz^{1,2}

¹Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

²State Academic University for the Humanities, *Moscow, Russian Federation*

✉ alexandr-bubnov@mail.ru

Abstract. An important role in the study of the processes of transformation of collective memory is played by the study of founding myths as fundamental events of national history that encode collective ideas about the past and related identities. In Russia, conflicts around the myth of the founding of the state can be considered using the example of three key military events — the Battle of Kulikovo, the Stand on the Ugra River and the Battle of Molodi. The study of memorial conflicts in the public space demonstrates the clash of the traditional Russian myth of opposing the Horde and the competing Turkic-centric myth of the Horde as the matrix of Russian statehood. An analysis of the array of comments on videos dedicated to the military events of the Russian founding myth allows us to identify eight main discursive strategies of “demythologization” aimed at challenging the traditional founding myth. At the same time, the dominant strategies of “demythologization” form a single “Eurasian-Horde” narrative complex corresponding to the memorial conflict of the founding myths.

Keywords: founding war myths, memorial conflicts, medievalism, Battle of Kulikovo, Great Stand on the Ugra, Battle of Molodi, network discourse, demythologization strategies

Acknowledgements. The study was supported by grant No. 24-28-01495 from the Russian Science Foundation, rscf.ru/project/24-28-01495/.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Bubnov, A.Yu., & Berlitz, A.Yu. (2026). Memorial conflicts over Russia's foundational military myth: A digital representation analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 332–348. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-332-348> EDN: VWFWBQ

Введение

Выделение основополагающего элемента символических систем, ответственных за выработку идентичностей, приводит исследователей к проблематике национальных мифов как базовых нарративов, кодирующих коллективные представления о прошлом. В литературе рассматриваются вопросы политических функций этнических и национальных мифов, их роли в становлении имперских

систем, выделяются типологии мифов по центральному сюжету [Schopflin 1997; Smith 1999; Ассман 2004; Rieber 2014; Armstrong 2017; Шнирельман 2024].

В нашем исследовании развивается подход Дж. Армстронга, переосмысленный и дополненный В. Вуяичем [Вуяич 2019]. Дж. Армстронг указывает на постепенное формирование в эпоху Средневековья конституирующих национальных мифов в результате слияния династических, религиозных и исторических идей, характерным синтезом которых является «миф о бастионе» (*antemurale*). В. Вуяич, в свою очередь, демонстрирует, как миф о Косовской битве вступает в резонанс с памятью о жертве и подвиге сербов в Первой и Второй мировых войнах, предопределяя как массовое национальное самосознание так и сценарий развития конфликта в момент распада Югославии.

В этом контексте под мифом основания будет пониматься память о наиболее важных для существования наций и государств исторических событиях, определяющая и поддерживающая символические границы национальных идентичностей и оказывающая долгосрочное влияние на исторический опыт народов [Бубнов 2025].

Эпоха Средневековья является периодом формирования базовых мифов основания для многих современных национальных и этнических общностей. Это предопределяет базовый вектор критики, поскольку обращение к древности в период формирования современных национализмов часто трактуется в духе конструктивизма марксистского толка, как «изобретение традиций» [The invention of tradition 2003]. Этносимволисты справедливо указывают на формирование представлений о прошлом через сочетание исторического опыта народов и деятельности интеллектуалов. Роль интеллектуалов состоит не столько в изобретении традиций, сколько в «политической археологии», попытке «заново открыть и переосмыслить прошлое данного сообщества» [Смит 2025: 125].

В современном мире мифы основания государств и национальных сообществ часто становятся полем мемориальных войн или конфликтов. Под ними в литературе принято понимать публичные конфликты интерпретаций прошлого, затрагивающие как сферу взаимодействия государств («войны памяти» или «мемориальные войны» в узком смысле), так и изменения политики памяти внутри государств [Аникин 2021]. Многочисленные примеры мемориальных конфликтов анализируются в работах, вышедших в последние годы [Политика памяти... 2020; Артамонов 2025]. С точки зрения избранной в данной работе методологии мемориальный конфликт вокруг мифов основания является попыткой изменения символических границ идентичностей.

В качестве примера можно сослаться на конкуренцию в период борьбы за независимость греческого государства в XIX в. между двумя национализмами — эллинистическим, характерным для части греческой интеллигенции и элит, и византийским, поддерживаемым простым народом и православным духовенством. Выбор на определенном этапе «византийского» мифа имел долгосрочные последствия, в том числе повлияв на катастрофическую для Греции попытку отвоевать после Первой мировой войны территории Малой Азии. Другой пример подобного рода — это закончившаяся революцией попытка шаха Мохаммеда Резы Пехлеви

придать иранской модернизации более светский характер, в том числе через снижение роли исламского наследия в истории страны («миф о Кербеле») в пользу более древней имперской традиции («миф об Ахеменидах»).

Можно выделить три типа сюжетов, характерных для военных мифов основания в России. Первый тип связан с конфликтами интерпретаций вокруг Революции и Гражданской войны, порождая в общественном сознании раскол на «белых» и «красных». Второй тип указывает на цивилизационный конфликт России и Европы. Он начинается с Ледового побоища, символизирующего противостояние православной Руси и католического Запада. В дальнейшем базовый сюжет отражается в событиях Смуты, Отечественной войны 1812 г., Крымской войны, Первой мировой и Великой Отечественной войн. Эти два типа постоянно актуализируются в политической повестке, в условиях исторической близости русской революции и внешнеполитических угроз.

Третий тип описывает длительное противостояние с «Великой степью», итогом которого стало возвышение независимой государственности на землях Северо-Восточной Руси. Дж. Армстронг в работе «Нации до национализма» проводит параллель между двумя границами — иберийской и степной, показывая как многовековая борьба на этнорелигиозном фронтире ислама и христианства способствовала формированию национального самосознания у испанцев и русских. Впрочем, различие двух случаев тоже значительно. Российская империя включила в себя исламский мир и выстроила модель гармоничного сосуществования этнорелигиозных идентичностей, хотя этот путь и занял значительно большее время, вплоть до эпохи завоевания Крыма, а в более широком плане — до завершения Кавказской войны. В этом смысле можно говорить о мифе основания российской государственности, включающем в себя длительный опыт военного противостояния с внешними врагами на степной границе, центральным сюжетом которого является противостояние Золотой Орде, ее предшественникам и наследникам.

Цель исследования — изучение отражения мемориальных конфликтов вокруг ключевых военных событий мифа основания российского государства в цифровом пространстве.

Становление мифа основания о противостоянии с Ордой

Для исследования мы выделили три битвы, отражающие базовый сюжет мифа основания и наиболее заметные в современной исторической политике. Узловым событием мифа основания, безусловно, является Куликовская битва, почитание которой в книжной культуре складывается уже в XV в., а в XVI в. в «Сказании о Мамаевом побоище» создается классический набор легенд (благословение Сергия Радонежского, поединок Пересвета, засадный полк), ставших основой репрезентации битвы в массовом сознании. Куликовская битва не была забыта в послепетровское время, ее оценка в дореволюционной историографии как начала освобождения от золотоордынской зависимости сделала битву важной частью «привилегированного нарратива» учебников,

формирующего коллективную память. Это в свою очередь предопределило возвращение Куликовской битвы в «сталинский канон» русской истории после периода постреволюционного исторического нигилизма.

В постсоветское время, наряду с критикой комплекса легенд¹, акцент в интерпретации основного сюжета смещается с освобождения от «ига» на соперничество русских княжеств и возвышение Москвы в контексте отношений с Золотой Ордой и Литвой [Горский 2003; Амелькин и Селезнев 2011; Halperin 2013]. В результате центральный сюжет мифа основания в определенном смысле переносится с долгосрочных последствий на саму битву как военное противостояние двух цивилизационных и военно-политических систем.

Вторым военным событием, составляющим важную часть мифа о противостоянии «Великой Степи», является Стояние на Угре (все чаще называемое Великим стоянием на Угре). Стояние стало глорифицироваться значительно позже, в период Российской империи (в первую очередь у Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева) в связи с высокой оценкой деятельности Ивана III, как создателя централизованного государства. Если Куликовская битва оценивалась как начало процесса освобождения от ордынской зависимости, то Стояние на Угре стало символическим завершением этого процесса, связав оба события в единый сюжет. Особое значение Стояния для русской истории было закреплено в советский период как в учебной литературе, так и в создании к 500-летию события мемориального комплекса в Калужской области. В современной историографии дебатировались вопросы о степени и сроках освобождения от зависимости и роли Ивана III [Ostrowski 2002; Горский 2003; Halperin 2009].

Последнее из военных событий, рассматриваемых нами в качестве составных частей мифа основания, — битва при Молодях 1572 г. Молоди долгое время находились в тени негативной оценки в отечественной истории позднего периода правления Ивана Грозного. К этому следует добавить забвение героев и битв XVI и XVII вв., обусловленное культурным разрывом петровской модернизации. Однако в современный период память о битве при Молодях переживает масштабное возрождение, связанное с военно-историческим фестивалем «Гуляй Город», регулярно проводимым с 2009 г. в Подмосковье на предполагаемом месте сражения. Битва при Молодях расширяет и трансформирует сюжет мифа основания, переводя акцент с вопроса об «иге», выплате дани или формальной зависимости от Орды на многовековую борьбу с «набеговой экономикой» государств — преемников Орды и расширяя хронологические рамки этой борьбы до конца XVI в. В этом смысле Молоди соединяют в единый сюжет период становления независимого государства, движение в Сибирь и превращение Дикого поля в Новороссию.

¹ В научной литературе оспаривается историческая достоверность перечисленного выше комплекса легенд. Благословение Сергия Радонежского перед Куликовской битвой, которое относится к более ранним событиям и считается вставкой, призванной повысить религиозное значение битвы. Поединок Пересвета (как инока) с Челубеем имеет черты литературного вымысла. Более вероятно участие и гибель в битве брянского боярина Пересвета (возможно принявшего перед смертью постриг).

Мемориальные конфликты вокруг мифа основания в российском публичном пространстве

Актуализация интереса к обсуждению средневековых военных событий российской истории в публичном пространстве во многом связана с мемориальным конфликтом российского мифа основания о борьбе против «Великой Степи» с мифом о Золотой Орде, поддерживаемым элитами Татарстана. Глорификация Золотой Орды в целом характерна для ряда тюркоцентричных национализмов на постсоветском пространстве. В Татарстане уже с конца 1980-х гг. в рамках усилий по укреплению суверенитета и возрождению исламского наследия начинается реабилитация наследия Золотой Орды [Шнирельман 2024: 20]. Частью татарских элит принимается «евразийский» дискурс, в котором Московское царство интерпретируется как преемник и продолжатель Улуса Джучи, а Иван Грозный как собиратель земель Золотой Орды [Воронович 2023: 274]. Это, в свою очередь, позволяет «переосмыслить» российский миф основания с позиции превосходства «восточного», тюркско-исламского культурно-политического центра, и тогда Батый становится «основателем российской государственности», а двухглавый орел заимствованием из Орды, а не Византии [Мобилизованное Средневековье... 2022: 380].

Подобный подход является попыткой конструирования альтернативной идентичности, вследствие чего даже мягкий вариант «ордынского евразийства» приводит к значимому противостоянию в публичном пространстве. В 2019 г. развернулась общественная дискуссия вокруг инициативы властей Калужской области о включении Стояния на Угре в число памятных дат России. Инициатива вызвала противодействие со стороны органов власти и общественности Татарстана и была отложена, хотя до этого получила поддержку большинства регионов, ключевых органов власти и профильных научно-исследовательских структур. Аргументация экспертов из Татарстана, рекомендовавших Госсовету республики не поддерживать проект федерального закона, сводилась к отрицанию исторической значимости события как эпизода в числе многих других столкновений Москвы и Орды². Однако с русской стороны позиция элит Татарстана была интерпретирована как присвоение наследниками Казанского ханства ордынского наследия и попытка оспаривания центрального сюжета мифа основания об освобождении Руси от ордынского ига и обретения независимости³.

При этом память о поражении Казанского ханства как национальная травма, ставшая неоспариваемой частью современной татарской идентичности, не вызывает такого острого столкновения, поскольку штурм Казани никогда не имел центрального значения в российском мифе основания, оставаясь в тени побед на Куликовом поле и Угре.

² В Госсовете РТ не поддержали памятную дату освобождения от ордынского ига. URL: https://kazan.aif.ru/politic/details/v_gossovete_rt_ne_podderzhali_pamyatnuyu_datu_osvobozhdeniya_ot_ordynskogo_iga?ysclid=mhz3xdi96g661052784 (дата обращения: 01.11.2025).

³ Холмогоров Е. Русь снова хотят покорить Орде. URL: https://tsargrad.tv/articles/rus-snova-hotjat-pokorit-orde_214360?ysclid=mhz3x7y51f675465482 (дата обращения: 01.11.2025).

Новый виток мемориального конфликта происходит по инициативе такого влиятельного религиозного актора политики памяти, как Духовное управление мусульман Российской Федерации, занявшегося продвижением «ордынского евразийства» в российскую историческую политику⁴. Оценки битвы на Калке как совместного русско-половецкого противостояния монголам и Куликовской битвы как эпизода гражданской войны внутри Орды поначалу не привлекли существенного внимания. Однако яркий образ мучительной смерти русских князей после поражения на Калке, данный в картине, находящейся в кабинете заместителя председателя ДУМ, привел к острой дискуссии о скрытых антирусских смыслах такого визуального кода⁵. Позже, в аналогичном ключе, обсуждалась еще одна картина из того же кабинета, изображающая пленение Василия II в битве под Суздалем 1445 г.

Схожий пример — срыв попыток коммеморации хана Кучума и одной из его жен Сузге Ханым в Тюменской области как фигур, олицетворяющих альтернативную «тюркско-ордынскую» историю Сибири⁶. Приведенные примеры подсвечивают природу мемориального конфликта как борьбы конкурирующих идентичностей за интерпретацию мифа основания российской государственности. Можно наблюдать также постепенное расширение хронологических рамок и увеличение списка военных событий, становящихся частью дискуссии.

Методология сбора и анализа эмпирического материала

Как показывают исследования, значение цифровой среды как медиатора коллективной памяти в последние десятилетия существенно возрастает, составляя серьезную конкуренцию традиционным каналам [Kansteiner 2002; Zierold 2010; Бубнов 2020; Тихонова, Артамонов 2021; Память в сети... 2023]. Цифровое пространство, где репрезентации прошлого активно конструируются и оспариваются, превращает миф основания в поле конкурентной борьбы множества интерпретаций. Здесь миф основания неизбежно сталкивается с альтернативными, зачастую прямо ему противостоящими «контрмифами». Фиксация и анализ конкретных приемов «демифологизации», применяемых сетевыми акторами, позволяют не только выявить разрыв между официальным нарративом и «массовой» памятью, но и определить наиболее уязвимые элементы мифа основания, а также те его аспекты, которые демонстрируют устойчивость к публичной критике в цифровой среде.

Эмпирическую базу исследования составили комментарии пользователей к популярным видеороликам на платформе YouTube, посвященным трем

⁴ Мухетдинов Д. В битве на Калке родилась Россия. URL: <https://dumrf.ru/upravlenie/speeches/22147?ysclid=mi03gyahuc57929699> (дата обращения: 01.11.2025).

⁵ Зампред Духовного управления мусульман ответил на обвинения в русофобии из-за картины. URL: <https://lenta.ru/news/2025/02/14/zampred-duhovnogo-upravleniya-musulman-otvetil-na-obviniya-v-rusofobii-iz-za-kartiny/?ysclid=mi04rllcs944000128> (дата обращения: 01.11.2025).

⁶ Любимая жена хана Кучума? В Тобольске изъяли памятник Сузге Ханым. URL: <https://tmn.aif.ru/society/mificheskij-personazh-v-tobolske-izyali-pamyatnik-lyubimoy-zhene-hana-kuchuma?ysclid=mi0695g21t381983573> (дата обращения: 01.11.2025).

исследуемым сражениям. Для обеспечения репрезентативности массового обсуждения были отобраны ролики, набравшие не менее 40 000 просмотров или вызвавшие не менее 150 комментариев. Первоначальный корпус составил 16 292 комментария. Из них методом целевой выборки были отобраны 494 реплики, соответствующие критериям релевантности. Критериями отбора выступали:

- наличие прямых отсылок к элементам официального исторического нарратива (подтверждение, цитирование, апелляция к учебникам/авторитетам);
- попытки ревизии, критики или альтернативной интерпретации этого нарратива (отрицание факта события, пересмотр его причин, последствий, роли участников, этнического состава, масштаба, связи с концептом «ига» или «освобождения»);
- исторические аналогии с современностью.

Такой подход позволил исключить из анализа технические отклики (например, «Интересно», «Спасибо за видео»), оценочные суждения без аргументации («Слава Руси!») и значительную часть спам-сообщений, генерируемых ботами. Тем не менее неполное исключение влияния ботов и субъективность исследователя при интерпретации «ревизионистского» характера комментария признаются в качестве неизбежных методологических ограничений данного подхода.

Анализ мемориального конфликта в цифровой среде

Анализ корпуса релевантных комментариев ($n = 494$) выявил сложный спектр стратегий, направленных на оспаривание мифа основания. Эти стратегии образуют устойчивые паттерны аргументации, рекуррентно воспроизводимые в онлайн-среде и формирующие альтернативные, зачастую конфликтующие друг с другом интерпретации прошлого. Мы систематизировали их в следующие основные группы, каждая из которых включает вариации, специфичные для конкретных событий.

- Релятивизация идентичности Руси: «Русь как Орда». Данная стратегия оспаривает фундаментальный нарратив о противостоянии Руси и Орды, предлагая взамен нарративы интеграции или подчиненности ордынскому порядку.

- «Тюрко-ордынская» версия: акцентирует этническую близость или политическую лояльность русской элиты к Орде. Аргументация строится на тезисах о борьбе князей не за независимость, а за «законную» чингизидскую власть («Донской на самом деле поддерживал Тохтамыша, потому что тот был законным ханом-чингизидом, а Мамай — узурпатор»), легенде о тюркском происхождении знатных родов (Годуновы, Юсуповы), представлении Руси как одного из улусов, доминировании тюрков над русскими. Пример: «Русские князья — это просто местные администраторы Орды. Грозный — потомок чингизидов, а его опричники — те же татарские отряды».

- «Имперско-евразийская» версия: подчеркивает преемственность российской государственности от Орды, трактуя ее как восстановление имперской модели («Россия — наследница Золотой Орды, мы всегда были и остаемся евразийской империей»). Ключевым аргументом является тип государственного устройства и геополитическая преемственность, а не этничность. Пример:

«Москва победила Орду, чтобы стать новой Ордой. Иван Грозный — первый настоящий «царь-хан»». Отрицание существования «ига» как такового, предлагаются менее негативные трактовки зависимости. Пример: «Не было никакого «ига» — была временная зависимость, союзнические или даннические отношения без оккупации».

– «Украинская» версия (Русь vs Московия): смещает фокус «настоящей» Руси на западные земли (Великое княжество Литовское), представляя Северо-Восточную Русь (Московию) как периферийную, несамостоятельную и «нерусскую» по духу территорию, сотрудничающую с Ордой против «европейской» Литвы-Руси. Пример: «Киевская Русь боролась с Ордой в союзе с Литвой, а московские князья были холопами ханов. Москва — не Русь, а улус».

- Отрицание факта сражения или его масштабов. Эта стратегия направлена на подрыв основания нарратива, ставя под сомнение достоверность события как значимого военного столкновения. Пример: «Археологи не нашли массовых захоронений на Куликовом поле — значит, битвы не было или это была мелкая стычка».

- Умаление исторической значимости событий. Стратегия признает факт событий, но резко снижает их масштаб, роль Руси/России в победе или их последствия. Пример: «Это был рядовой набег, подобных „битв“ было много — значение Молодей искусственно раздуто».

- Обращение к альтернативным историческим концепциям, находящимся вне рамок академической науки. Пример: отсылка к «новой хронологии» А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского («Тартария», гражданская война славян вместо борьбы с Ордой).

- Утверждение о продолжении «ига» после ключевых событий. Оспаривается тезис о полном освобождении, подчеркивается сохранение зависимости. Пример: «После Угры еще сто лет платили дань Крыму».

- Критика правителей Руси и смещение фокуса с центральной власти на «периферийных» героев. «Демифологизация» образа центральной власти как объединяющей силы, акцент на ошибках, подчеркивание положительной роли других деятелей⁷.

- Критика роли Православной Церкви⁸. Оспаривание религиозной интерпретации событий и значимости роли Церкви.

⁷ Данная стратегия требует контекстуальной интерпретации. В исторической дискуссии акцент на роли отдельных полководцев (князь Холмский, Воротынский) может быть стремлением найти забытых героев в рассматриваемых событиях. Однако в нашем корпусе отбирались лишь те комментарии, где этот прием использовался для целенаправленной дискредитации центральной власти, ее сакрального статуса и объединяющей роли, что и является задачей «демифологизирующих» стратегий. Именно такие высказывания формируют ядро данной стратегии.

⁸ В поле исторической науки дискуссия о роли Сергия Радонежского носит академический характер. В отобранный корпус вошли исключительно те высказывания, где критика носит не конструктивный, а разрушительный характер, ставя под сомнение не отдельные факты, а саму духовно-нравственную основу события и мотивацию Церкви, что соответствует цели «демифологизации».

Представленная классификация демонстрирует, что «демифологизация» не является хаотичной, а структурируется вокруг ограниченного набора повторяющихся нарративных стратегий. Эти стратегии, варьируясь в зависимости от специфики каждого события, образуют сложное поле конкуренции исторических смыслов с разных, порой взаимоисключающих, позиций. Помимо стратегий прямой «демифологизации» в исследуемом дискурсивном поле наблюдаются и другие устойчивые нарративные паттерны, которые не столько разрушают миф основания, сколько адаптируют, актуализируют или предлагают его альтернативные версии. Перечислим важнейшие из них.

- *Дискурс осовременивания.* Данный паттерн характеризуется использованием исторических аналогий и актуализацией исторических нарративов для идеологической интерпретации современных политических и социальных процессов [Беклямишев 2024]. К нему относятся:

- проведение прямых аналогий между миграционными процессами и «новым ордынским нашествием»;
- «иги» мигрантов внутри России;
- российское государство как «ига», сожаления о «поражении» Орды/Крыма и оправдание их действий;
- Россия под внешним «игмом»: «Мы снова под игмом» (Запада, «мировой закулисы»);
- аналогии с отделением от Золотой Орды — как Донбасс в 2014 или Чечня в 1993;
- критика исторической власти как критика современной: Прямые параллели между Иваном Грозным/боярами и современными политическими фигурами/элитами.

- *Имперский дискурс.* Этот нарратив не оспаривает «миф основания», а выстраивается в ответ на критику. В его рамках отстаивается роль русских в ключевых сражениях, а также подчеркивается роль «лояльных татар», народов Поволжья и других этнических групп на стороне Москвы как доказательство полиэтнического (имперского) характера российского государства.

Количественный анализ 420 случаев применения стратегий «демифологизации» в отобранном корпусе комментариев ($n = 494$ исходных сообщений) выявляет устойчивые паттерны критики мифа основания. Важно подчеркнуть, что данные отражают частоту *использования стратегий*, а не уникальных комментариев, так как одно сообщение могло содержать несколько нарративов.

Общая структура критики (рис. 1) демонстрирует доминирование трех стратегий:

- утверждение о продолжении «ига» (17,1 %);
- критика центральной власти/героев (16,0 %);
- умаление значимости событий (15,0 %).

Вместе они формируют 48,1 % всех стратегий, акцентируя проблемы исторических последствий, легитимности власти и сакральности событий.

Заметную роль играют «тюрко-ордынская» и «украинская» версии стратегии релятивизации мифа основания (10,2 и 9 % соответственно), а также альтернативные концепции (9,3 %).

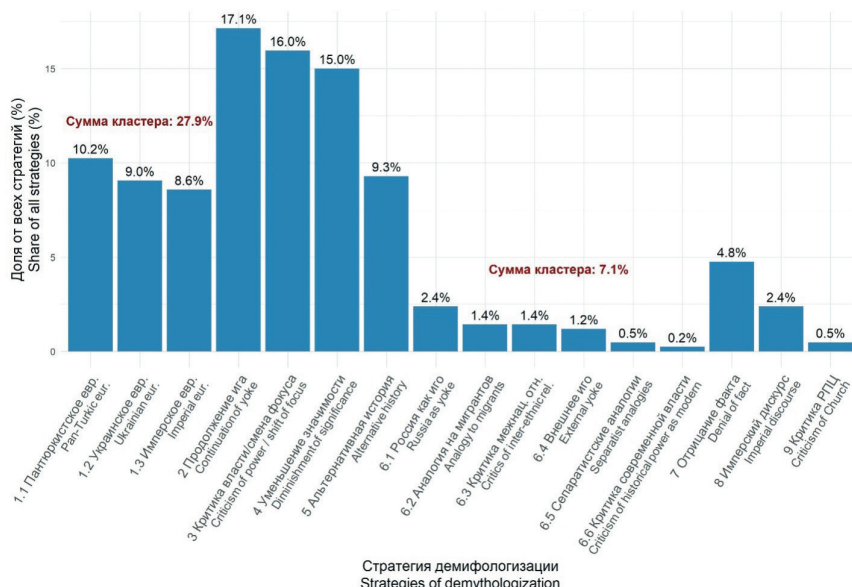

Рис. 1. Общая представленность стратегий, %

Источник: составлено А.Ю. Бубновым и А.Ю. Берлицем по результатам исследования.

Figure 1. Overall representation of strategies, %

Source: compiled by A.Yu. Bubnov and A.Yu. Berlitz on the results of the study.

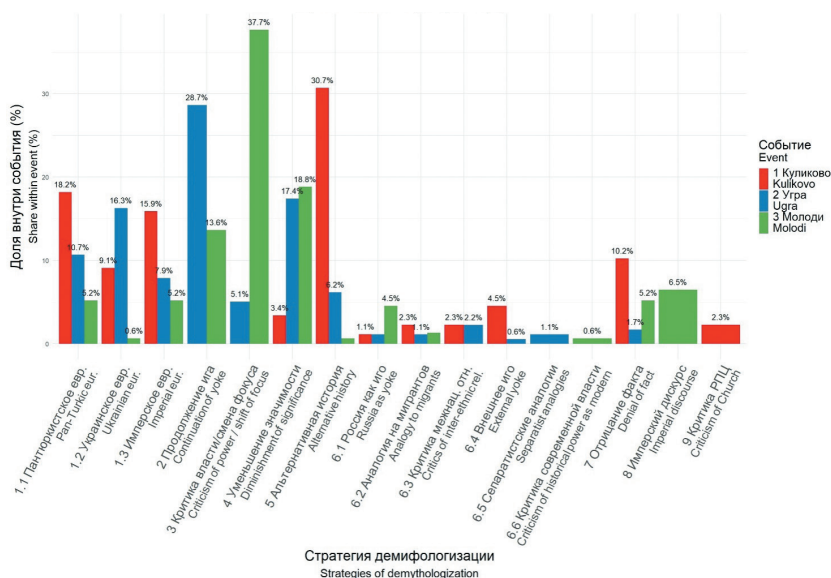

Рис. 2. Представленность стратегий по событиям, %

Источник: составлено А.Ю. Бубновым и А.Ю. Берлицем по результатам исследования.

Figure 2. Representation of strategies by events, %

Source: compiled by A.Yu. Bubnov and A.Yu. Berlitz on the results of the study.

Событийная специфика (рис. 2) раскрывает дифференцированные уязвимости нарративов:

- Куликовская битва (88 наблюдений):

Доминируют альтернативные исторические концепции (30,7%), преимущественно «Новая хронология» Фоменко-Носовского. Это свидетельствует

об уязвимости нарратива к радикальной ревизии. Второй по значимости кластер — релятивизация статуса Руси (43,2 % суммарно для стратегий «Русь как часть Орды»);

- *Стояние на Угре* (179 наблюдений):

Ключевая уязвимость — отрицание освобождения (28,7 % стратегий о продолжении ига). Второй фокус — умаление значимости (17,4 %) через акцент на климатическом факторе или роли союзников. Значимый вес среди наблюдений имеет «украинская» версия нарратива (16,3 %), оспаривающая легитимность Москвы;

- *Битва при Молодях* (153 стратегии):

Абсолютно доминирует критика власти (37,7 %), в 78 % случаев через оппозицию «Воротынский vs Грозный». Умаление значимости (18,8 %) формирует дополнительный контур критики. Примечательно минимальное присутствие альтернативных историй (0,6 %), обсуждение события находится в рациональном историческом поле, что, по-видимому, объясняется поздним включением в канон мифа основания.

Анализ сетевой структуры стратегий «демифологизации»

Количественный анализ совместной встречаемости выявил структурированную архитектуру стратегий «демифологизации». Матрица ко-встречаемости демонстрирует выраженную асимметрию, формирующую два независимых полюса критики мифа основания с различными механизмами воздействия на коллективную память.

Центральное положение занимает релятивизационный кластер, объединяющий тезисы об этнополитической преемственности Руси и Орды, умаление исторической значимости событий и утверждение о продолжении зависимости. Сила взаимосвязей внутри этой триады (максимальные значения 8 для 1.1–2, 11 для 4–2⁹) свидетельствует о формировании устойчивого евразийско-ордынского нарративного комплекса. Данный кластер системно оспаривает центральный сюжет мифа основания. Особенно релевантен этот комплекс для Куликовской битвы и Стояния на Угре, где критика фокусируется на пересмотре основ национальной идентичности.

Второй полюс образует автономная стратегия критики власти (3), характеризующаяся значительной связью с евразийско-ордынским кластером. Ее активная связь с другими элементами отражает сочетаемость и универсальность стратегии, специализированной на демонтаже образов центральной власти через персонализацию критики (Иван Грозный, Иван III), оппозицию «герой vs система» (Воротынский vs царь, Иван Молодой vs Иван III) и анализ институциональных противоречий (опричнина, становление единого государства). Данная стратегия доминирует в дискуссиях о поздних событиях (битва при

⁹ Здесь и далее для краткости используются порядковые номера стратегий в соответствии с указанными на рис. 1 и 2.

Молодых), выступая самостоятельным инструментом оспаривания, без потребности в дополнительной аргументации, или имплицитно сочетаясь с другими.

Периферию дискурса составляют:

- 1) «украинский» («антимосковский») микро-кластер (1.2–2), сочетающий «украинскую» версию ревизии с тезисом о продолжении зависимости (6 совместных вхождений);
- 2) современные аналогии (6.х). Связь 6.2–6.3 (2) отражает комбинацию тезисов о «нерусском иге». Слабая связь 6.2–3 (1) указывает на редкие попытки увязать критику исторической и современной власти;
- 3) изолированные стратегии (70 % элементов с нулевыми связями).

Заключение

Как домодерные этнические сообщества, так и современные политические нации опираются на культурно-символические ресурсы, обеспечивающие трансляцию идентичностей и поддерживающие их существование. С этой точки зрения коллективные идентичности могут быть поняты как совокупность меняющихся взаимодействий, определяемых символическими границами «своих» и «чужих». Символы выступают основными индикаторами границ, поскольку отраженная в мифосимволических комплексах идея общей судьбы создает узы солидарности. Исторический опыт конфликтов, отраженный в коллективной памяти, формирует особенности национальной идентичности-солидарности.

Феномен обращения к Средневековью в современной культуре и политической повестке, медиевализм, отражает потребность в моральном возрождении сообществ, через обращение к «золотому веку» мифа основания. Символические границы являются социальными конструкциями, которые должны сохраняться в скрытом виде, иначе они перестают выполнять функцию когнитивной карты политической реальности. Настойчивые попытки вскрытия сконструированности коллективных идентичностей характерны как для научного дискурса, так и для современной цифровой среды, симптомом чего является популярность «демифологизирующих» стратегий обсуждения прошлого.

Как показывает исследование мемориальных конфликтов вокруг военных мифов основания, имеет значение как оспаривание сюжетов, отражающих центральные идеи национальной миссии, так и изменение регистров триумфа и трагедии, таких как масштабы и результаты сражения, размер потерь и вклад отдельных личностей.

Мемориальный конфликт в цифровой среде представляет собой не просто оппозицию «миф vs контр-миф», а сложную систему взаимодействующих нарративов: миф основания, стратегии его «демифологизации», а также альтернативные и адаптационные нарративы (осовременивание, имперский дискурс), которые могут как конфликтовать, так и гибридизироваться друг с другом. Основной паттерн «демифологизации» в цифровом

пространстве — единая «евразийско-ордынская» стратегия — соответствует мемориальному конфликту между русоцентричным мифом основания о противостоянии Орде и тюркоцентричным мифом о Золотой Орде как матрице российской государственности. Это демонстрирует скрытый конфликтный потенциал средневековых военных мифов основания, который может быть использован в сепаратистских проектах и требует выстраивания контрстратегий политики памяти, направленных на интеграцию российской идентичности.

Поступила в редакцию / Received: 11.12.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 12.03.2026

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2026

Библиографический список

- Амелькин А.О., Селезнёв Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. Москва : Квадрига, 2011.
- Аникин Д.А., Линченко А.А. Мемориальные войны в условиях восточноевропейского фронта: в поисках методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 55–63. <http://doi.org/10.17223/15617793/466/6> EDN: TTZD TI.
- Артамонов Д.С. Мемориальные войны в контексте медиапамяти // Россия: общество, политика, история. 2025. № 2 (15). С. 20–39. [http://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-20-39](http://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-20-39) EDN: GWEEQC.
- Ассман Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва : Языки славянской культуры, 2004.
- Беклямишев В.О. Функциональная роль исторических аналогий в российском и украинском президентских дискурсах о специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 644–657. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-644-657> EDN: ZSEGWN.
- Бубнов А.Ю. Миф основания как категория исторической политики // Электронный научно-образовательный журнал История. 2025. Т. 16. № 1 (147). <http://doi.org/10.18254/S207987840034048-1> EDN: LRAXPI.
- Бубнов А.Ю. Память о Гражданской войне в России как часть публичной полемики в цифровом пространстве // Электронный научно-образовательный журнал История. 2020. Т. 11. № 9 (95). <http://doi.org/10.18254/S207987840011428-9> EDN: LMBTHR.
- Воронович А.А. Память на Волге: актуализация прошлого и политика памяти // Политика памяти в России — региональное измерение / под. ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. С. 267–297.
- Вуячич В. Национализм, миф и государство в России и Сербии. Предпосылки распада СССР и Югославии. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.
- Горский А.А. Москва и Орда. Москва : Наука, 2003. EDN: SGPPWX.
- Мобилизованное Средневековье: в 2 томах. Т. II : Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России / под ред. А.И. Филюшкина. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022.

- Память в сети: цифровой поворот в memory studies: сб. статей / под. ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023.
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.
- Смит Э. Этносимволизм и национализм: культурный подход. Москва : Тотенбург, 2025.
- Тихонова С.В., Артамонов Д.С. Историческая память в социальных медиа. Москва : Алетейя, 2021. EDN: XSWYWM.
- Шнирельман В.А. В погоне за предками : этногенез и политика. Москва ; СПб. : Нестор-История, 2024.
- Armstrong J.A. Nations before nationalism. UNC Press Books, 2017.
- Halperin C.J. The Battle of Kulikovo Field (1380) in History and Historical Memory // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2013. Vol. 14. No. 4. P. 853–864.
- Halperin C.J. The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia. Bloomington, In : Slavica Publishers, 2009.
- Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // *History and Theory*. 2002. Vol. 41. No. 2. P. 179–197.
- Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge : Cambridge University Press, 2002.
- Rieber A.J. The struggle for the Eurasian borderlands: From the rise of Early modern empires to the end of the First World war. Cambridge : Cambridge univ. press, 2014.
- Schopflin G. The functions of myth and a taxonomy of myths // *Myths and nationhood* / Ed. by G. Hosking, G. Schopflin. N.Y.: Routledge, 1997. pp. 19–35.
- Smith A.D. Myths and memories of the nation. Oxford : Oxford univ. press, 1999.
- The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Ranger (eds.). Cambridge University Press, 2003.
- Zierold M. Memory and Media Cultures // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / ed. by A. Erll, A. Nunning. Berlin; New York : De Gruyter. 2010. P. 399–409.

References

- Amelkin, A.O., & Seleznev, Yu.V. (2011). *The Battle of Kulikovo in the testimonies of contemporaries and the memory of descendants*. Moscow, Quadriga (In Russian).
- Anikin, D.A., & Linchenko, A.A. (2021). Memorial wars in the conditions of the Eastern European frontier. In search of a research methodology. *Bulletin of Tomsk State University*, 466, 55–63. (In Russian). <http://doi.org/10.17223/15617793/466/6> EDN: TTZDTI.
- Armstrong, J.A. (2017). *Nations before nationalism*. UNC Press Books.
- Artamonov, D.S. (2025). Memorial wars in the context of media memory. *Russia: society, politics, history*, 2(15), 20–39. (In Russian). [http://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-20-39](http://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-20-39) EDN: GWEEQC.
- Assman, Ya. (2004). *Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russian).
- Beklyamishchev, V.O. (2024). The functional role of historical analogies in Russian and Ukrainian presidential discourses on a special military operation. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 644–657. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-644-657> EDN: ZSEGWH.
- Bubnov, A.Y. (2020). The memory of the Civil War in Russia as part of a public debate in the digital space. *Electronic scientific and educational journal History*, 11(9), (In Russian). <http://doi.org/10.18254/S207987840011428-9> EDN: LMBTHR.

- Bubnov, A.Y. (2025). The founding myth as a category of historical politics. *Electronic scientific and educational magazine History*, 16(1) (In Russian). <http://doi.org/10.18254/S207987840034048-1> EDN: LRAXPI.
- Filyushkin, A.I. (Ed.) (2022). *The mobilized Middle Ages: in 2 volumes Vol. II: Medieval history in the service of national and state ideology in Russia*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University (In Russian).
- Gorsky, A.A. (2003). *Moscow and the Horde*. Moscow: Nauka. (In Russian). EDN: SGPPWX.
- Halperin, C.J. (2009). *The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia*. Bloomington, IN: Slavica Publishers.
- Halperin, C.J. (2013). The Battle of Kulikovo field (1380) in history and historical memory. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 14(4), 853–864.
- Hobsbawm, E., & Ranger, T., (Eds.) (2003). *The invention of tradition*. Cambridge University Press.
- Kansteiner, W. (2002). Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies. *History and Theory*, 41(2), 179–197.
- Miller, A.I., & Efremenko, D.V. (2020). *The politics of memory in modern Russia and Eastern European countries. Actors, institutions, narratives*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg (In Russian).
- Pavlovsky, A.F., & Miller, A.I., (Eds.) (2023). *Memory on the web: A digital turn in memory studies*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg (In Russian).
- Ostrowski, D. (2002). *Muscovy and the mongols: Cross-cultural influences on the steppe frontier, 1304–1589*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rieber, A.J. (2014). *The struggle for the Eurasian borderlands: From the rise of Early modern empires to the end of the First World war*. Cambridge : Cambridge univ. press.
- Schopflin, G. (1997). The functions of myth and a taxonomy of myths. In G. Hosking, & G. Schopflin, *Myths and nationhood* (pp. 19–35). N.Y.: Routledge.
- Shnirelman, V.A. (2024). *In pursuit of ancestors: Ethnogenesis and Politics*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).
- Smith, A.D. (1999). *Myths and memories of the nation*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Smith, E. (2025). *Ethnosymbolism and nationalism: A cultural approach*. Moscow: Totenburg (In Russian).
- Tikhonova, S.V., & Artamonov, D.S. (2021). *Historical memory in social media*. Moscow: Alethea (In Russian). EDN: XSWYWM.
- Voronovich, A.A. (2023). Memory on the Volga: Actualization of the past and the politics of memory. In A.I. Miller, O.Y. Malinova & D.V. Efremenko (Eds.), *Politics of memory in Russia — a regional dimension* (pp. 267–297). Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Vujacic, V. (2019). *Nationalism, myth and the state in Russia and Serbia. Prerequisites for the collapse of the USSR and Yugoslavia*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg (In Russian).
- Zierold, M. (2010). Memory and media cultures. In A. Erll & A. Nunning (Eds.), *Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook* (pp. 399–409). Berlin; New York: De Gruyter.

Сведения об авторах:

Бубнов Александр Юрьевич — кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и теории политики, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, Государственный академический университет гуманитарных наук (e-mail: alexandr-bubnov@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6594-8407)

Берлиц Артём Юрьевич — магистрант, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; лаборант, научно-инновационное управление, Государственный академический университет гуманитарных наук (e-mail: berlitz.art02@gmail.com) (ORCID: 0009-0006-4008-1011)

About the authors:

Alexander Yu. Bubnov — PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, State Academic University for the Humanities (e-mail: alexandr-bubnov@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6594-8407)

Artem Yu. Berlitz — Master's Student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Laboratory Assistant, Scientific and Innovative Management, State Academic University for the Humanities (e-mail: berlitz.art02@gmail.com) (ORCID: 0009-0006-4008-1011)